

DOI: 10.31857/S0869544X0011099-1

А. ДУБЧЕК. Надежда умирает последней. М., 2019. Пер. со словацкого языка И.А. Богдановой. 352 с.

В 2019 г. издательством «Новый хронограф» опубликована впервые переведенная на русский язык книга об Александре Дубчеке «Надежда умирает последней», написанная на основании трех десятков интервью с чешским журналистом И. Гохманом. Интервью были даны, как отметил автор предисловия к книге Ю. В. Богданов, с апреля 1990 по август 1992 г. Таким образом книга воспринимается как воспоминания Дубчека о себе и своей жизни. Описываемые в ней события завершаются совместным выходом В. Гавела и Дубчека на балкон издательства Мелантрих на Вацлавской площади в Праге 26 декабря 1989 г., перед которым собрались граждане на митинг.

С этого момента и до смерти Дубчека в ноябре 1992 г. произошло еще немало событий, связанных, в первую очередь, с деятельностью возглавляемой им Социал-демократической партии в Словакии и председательством в Федеральном собрании пока еще единой Чехословакии, находившейся в стадии «бархатного» развода на Чешскую и Словацкую республики. По дороге в Прагу 1 сентября 1992 г. он попал в автокатастрофу, а 7 ноября скончался в госпитале, не приходя в сознание.

Александр Дубчек родился 27 ноября 1921 г., его родители вернулись из США, где они, будучи приверженцами идей социализма, устроились достаточно благополучно, в недавно родившуюся новую страну — Чехословакию. «Этот маленький деревенский домик, — читаем в книге, — в котором я родился, был, однако, весьма примечательным, так как сто лет назад он явился и местом рождения Людовита Штура» (с. 18).

Всю жизнь Дубчек был предан словацкому народу, который наконец-то освободился от «тысячелетнего венгерского ига» (с. 16), и привержен идеалам социализма (по примеру своего отца Штефана он в 17 лет вступил в ряды коммунистов). Его деятельность

можно сравнить с извилистыми железнодорожными путями в горах той же Словакии — с мостами над пропастями. Мемуары зримо демонстрируют эти повороты и даже движения в обратном направлении в описаниях его восхождения на политический Олимп и свержения с него. Воспоминания Дубчека привлекают внимание не только историков, но и специалистов самых различных областей знания, например, политологов, психологов, культурологов и т.д. Не обойдут вниманием книгу и более широкие круги пытливых читателей: она написана живым языком и наполнена мудрыми мыслями. И не случайно в памяти всплывают сказанные Гамлетом о своем отце слова: «Он человек был, человек во всем».

Естественно, на первый план в книге выходят 1967–1969 гг., но и вся представленная в ней жизнь Дубчека наполнена яркими событиями, иллюстрирующими несгибаемость его характера — особенно в отношениях с «родиной социализма», в которой он проживал в детстве и ранней юности (с 1925 по 1938 г.), в которой учился (с 1955 по 1958 г.) и которую неоднократно — волей и тяжкой неволей — посещал в качестве руководителя своей партии и страны.

Внешне Александр Степанович Дубчек, как его часто именовали в СССР, выглядел улыбочивым и беззаботным, но когда погружаешься в его яркие описания того, как ему приходилось перебежать поле под выстрелами немцев и получить ранение в 1944 г. (с. 77), или того, как он с риском для жизни подстрелил медведя, когда даже опытные лесники предупреждали его об опасностях преследования хитрого зверя, — как раз перед попыткой свержения с властных позиций А. Новотного (который держался за них медвежьей хваткой) (с. 141), или того, как он держал оборону после августа 1968 г, сдавая свои позиции с гордостью и честью (семь последних

интервью), то нельзя не признать, что это был волевой человек, сознательно участвовавший в исторических событиях. Открытость и даже в некоторой степени наивность, которые ему приписывались сверхискусственными собеседниками, к примеру, освоившимися у власти Я. Кадаром и В. Гомулкой (они проявляли в ходе Пражской весны ту осмотрительность, которая затем превратилась в поддержку вхождения войск ОВД в Чехословакию), отнюдь не была показной; она уживалась с жесткой волей и упорством в достижении поставленных целей.

Беседы с такого рода политиками, равно как и с Л. И. Брежневым, сравнительно недавно сдвинувшим с властных позиций Н. С. Хрущева (от себя замечу, что и Дубчек действовал по схожей матрице, участвуя в свержении Новотного), очень яркие и убедительны в создании психолого-политических портретов указанных и других лидеров. То же можно сказать и о характеристиках соратников и оппонентов в ЦК КПЧ во время его пребывания на посту первого секретаря партии (портреты упоминаемого их значительно большего числа очень интересны не только в идейном, но и психологическом планах). Книга в этом отношении — живой рассказ, показывающий, как люди делают историю.

Интересна траектория отношений А. Дубчека с Г. Гусаком, жизненный путь которого тоже в чем-то уподобляется движению по двум упомянутым железнодорожным путям: преданности словацкому делу и приверженности социализму. Гусак — фигура, наиболее часто упоминаемая в мемуарах. Приводятся новые детали его участия в Словацком национальном восстании (он сохранял элементы «недовольства отношением к словацким национальным интересам в домюнхенской Чехословакии» (с. 62), допуская, «к примеру, включение Словакии в состав Советского Союза» (с. 65)). Дубчек осуждал преследования Гусака в начале 1950-х годов (с. 86), выступал против преследований его Новотным (с. 120), а в 1963 г. начал добиваться его полной реабилитации (с. 122). При этом новый лидер коммунистов Словакии говорил о лидере старом (а в дальнейшем старый лидер уже чехословацких коммунистов относительно нового — редко встречающееся переплетение политических судеб) следующее: «Я чувствовал, что у меня не получилось установить с ним контакт по-человечески, хотя в других случаях обычно мне это удавалось» (с. 123).

В описании дальнейших событий имя Гусака встречается постоянно, вплоть до контактов Гусака и Дубчека накануне отъезда последнего в Турцию в качестве посла. Дубчек,

припоминая первые встречи, не без горечи заметил: «Наш отъезд был запланирован на 16 января 1970 г. Прежде чем уехать, я ответил на письмо Гусака, в котором он требовал от меня выразить согласие с его политической линией. Я выступил против его скрытых угроз и протестовал против клеветнической кампании, которая велась в средствах массовой информации [...]. Существовал укоренившийся порядок, что новых послов перед их отъездом принимает первый секретарь ЦК КПЧ. Однако Гусак не проявил желания встретиться со мной. Если бы он был способен на нормальные чувства, я бы сказал, что он не хотел оказаться в неловком положении» (с. 294).

Оставляя за пределами рецензии самые яркие страницы жизни и судьбы Дубчека-политика — 1964—1969 гг.: пять судьбоносных лет не только для Чехословакии, но и для всего мира, выразившего неподдельный интерес к «социализму с человеческим лицом» и главному проводнику этой идеи. Ограничусь лишь цитатой о введении чрезвычайного положения в августе 1969 г. — «закона дубинки», предотвратившего массовые демонстрации по случаю годовщины введения войск ОВД и фактически завершившего Пражскую весну. «Я, — сказал Дубчек, — сделал большую ошибку, которая тяготила меня всю жизнь, что в конце концов подписал “законные меры”. Должен добавить, что подписывать законы и законные меры являлось рутинным делом председателей, безотносительно к тому, одобряли они их или нет. Только в данный момент ситуация не была “рутинной”. Сегодня я знаю, что должен был отказаться его подписывать. Но это происходило в горячей, нервной обстановке. Я был там в полном одиночестве и даже не мог оценить всех последствий. Никогда не прошу себе этого. Я не собираюсь оправдываться, могу лишь дополнительно прояснить обстановку» (с. 289—290). Так мог оправдываться тот, кто, говоря упомянутыми выше словами Гамлета, был человек во всем...

Остановлюсь подробнее на семи последних частях, повествующих и о судьбе идеи «социализма с человеческим лицом», и о преследованиях главного ее носителя. Украинский и общеславянский мыслитель Г. Скворода любил прибегать к пословице: «Не той орел шо літає, а той, шо добре сідає». Справедливость этой пословицы подтверждается в этих частях книги. Дубчеку удалось убедительно описать, что он ни одной позиции не сдавал без боя. Он пользовался уважением близкого окружения, включая рабочих, будучи в прошлом партфункционером, смог овладеть специальностью слесаря, не проявлял

негативного отношения к своим охранникам — обо всем этом мало известно отечественному читателю. Бывшему лидеру Пражской весны пришлось многое пережить, но и он, и его семья переносили тяготы с большим достоинством.

Не забывали Дубчека не только сограждане, но и зарубежные политики. Рассказ о его встрече в Италии, где ему вручали диплом почетного доктора Болонского университета — поистине повествование о свете в конце туннеля. Вместе с ним этот свет видели не только лидеры Итальянской коммунистической партии, но, по свидетельству желанного гостя из Чехословакии, и рядовые итальянцы (с. 316).

Конечно, немало в изложении жизни и судьбы Дубчека зависело от интервьюера. Но все-таки в книге слышится и живой голос чехословацкого политика. В конце отмечу: «социализм с человеческим лицом» на личностном уровне был манифестирован Дубчеком, человеком эмоциональным, но и последовательным в своих убеждениях, прекрасным семьянином и верным другом очень ярко. В этом особая ценность мемуаров. Помимо прочего, они служат и доказательством того, что такой социализм — не химера, которую, по словам современника Дубчека, президента США Р. Рейгана, следовало отправить на свалку истории.

Английский писатель Дж. Барнс в романе «Дикобраз» (1992, русский перевод 1995 г.) дал психологический портрет еще одного приверженца идеи социализма, за которым угадывается Т. Живков (он описан в мемуарах Дубчека как человек, не чувствовавший необходимости «задирать нос» и осознававший необходимость изменений в социалистическом лагере) (с. 197). Писатель приписал

своему персонажу весьма любопытную фразу, сказанную в ответ на обвинения в искажениях и неудавшихся попытках сохранения социализма: «А вы хотите допрыгнуть до небес за один раз?». Сопоставляя эти слова с убедительными мемуарными свидетельствами Дубчека, нельзя не признать, что тот мыслил примерно так же. Демократический социализм как попытка означить длительный период соответствующих исканий чехов и словаков, равно как и руководства Социал-демократической партии в Словакии после 1989 г., убеждает: с намеченных рельсов Дубчек не сходил — Словакия и социализм оставались ключевыми идеалами всей его сознательной жизни.

Остается добавить, что он был и выразителем лучших черт словацкого характера, выкованного столетиями. Его носителями в XIX в. были Я. Коллар, словак, манифестировавший идею единения славянства своему народу и народам мира, и Л. Штур, а в XX в. — М. Р. Штефаник — известный ученый-астроном и авторитетный политик. Книга позволяет глубже понять не только личность самого Дубчека, но и те идеалы, за которые он сражался всю свою жизнь.

Так кем же был Александр Дубчек, представлявший «социализм с человеческим лицом»? Знакомство с его мемуарами, наполненными описанием драматических событий его жизненного пути, и особенно испытаниями после ухода с властных позиций (которые под силу далеко не каждому), требует еще и еще раз повторить: он Человек был...

© 2020 г. Э. Г. Задорожнюк
elzador46@mail.ru